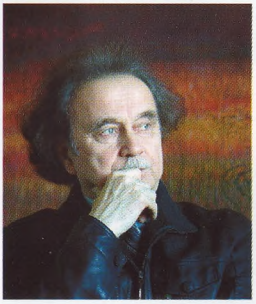
ЛЮДИ ЛЕГЕНДЫ

Семён Иванович Ворончихин



П. Ёлкин Народный художник Удмуртии,
Заслуженный художник России

Портретная галерея героев

В моём творчестве целая галерея портретов героических людей, прошедших через горнило Великой Отечественной войны. О войне, огромной трагедии нашей страны, впервые я услышал от своего отца, участника этих событий, инвалида Великой Отечественной войны, который вернулся с фронта тяжело больным. В моей памяти свежи ещё его рассказы. Со временем тема войны стала одной из важных в моём творчестве. Мне посчастливилось встретиться, познакомиться и написать портреты моих земляков, легендарных людей-фронтовиков: писателей, журналистов, врачей и рядовых солдат. С волнением вспоминаю, как создавал образы поэтов-фронтовиков: Н. С. Байтерякова, С. П. Широбокова, М. П. Петрова, Филиппа Кедрова; ветерана-журналиста В. М. Михайлова, многих ветеранов войны учёных медиков, среди них прославленного хирурга С. И. Ворончихина, возглавлявшего в Ижевске во время войны военный госпиталь, дважды Героев Советского Союза Е. М. Кунгурцева, В. М. Шатилова – командующего 150-й дивизией, солдаты которой Егоров и Кантария водрузили знамя Советского Союза над Рейхстагом.

Высоко ценю добрые отношения с легендарным М. Т. Калашниковым. Рад что его образ есть и в моём творчестве.

С радостью писал портреты рядовых участников Великой Отечественной – «Супруги А. Ф. и П. Г. Турцевы», колхозника М. К. Широбокова, своих земляков из родной деревни Шудья Завьяловского района – Ивана Захаровича Сапожникова, который вернулся с фронта с одной рукой, награждённый медалями и орденами. Но он не сдался перед трудностями и в мирное время, был нужным народу. Одной рукой он мастерски мог делать разные бытовые предметы из жести и дерева, делал рамы и косяки за символические цены для всей деревни, для всех нас был незаменимым человеком.

Другой ветеран, С. А. Алексеев, вернулся с фронта с одной ногой. Тоже награждённый медалями и орденами Великой Отечественной войны. В мирное время помогал колхозу, совхозу, работал кладовщиком, счетоводом, весовщиком. Его ум, грамота пригодились селянам в трудное послевоенное время.

Празднуя 70 лет Победы, мы должны помнить героев Великой Отечественной войны, защитивших наше Отечество от фашистской агрессии, героев тыла.

Терпение, Мужество, величайшая стойкость, Любовь к Родине помогли одолеть врага. Пусть эти, проверенные огнём войны, качества всегда сопутствуют нам и в наши дни.

С портретом легендарного хирурга Семёна Ивановича Ворончихина произошла удивительная история, о которой написал специальный корреспондент редакции газеты «Советская Россия» А. Хоробрых. Как автор портрета С. И. Ворончихина, я решил перепечатать этот интересный материал отдельно в буклете.

П. В. Ёлкин. Профессор С. И. Ворончихин

ФРОНТОВИК УЗНАЛ НА КАРТИНЕ СВОЕГО СПАСИТЕЛЯ

Три письма солдата

Это случилось весной прошлого года в Москве, когда проходили Дни литературы и искусства Удмуртии. Пенсионер из Челябинска А. П. Долбня зашел в Выставочный зал и через несколько минут остановился, как вкопанный. С картины, на которой был изображен смертельно усталый, после сложной операции хирург, на него, показалось, с немым удивлением глянули ставшие когда-то давным-давно родными глаза.

— Неужели это он? — все еще не веря догадке, посетитель подошел ближе к картине. — Вот так встреча. Лет-то сколько с тех пор прошло».

Пока губы шептали эти слова взгляд лихорадочно искал подпись. Вот она! Так и есть: «Профессор С. И. Ворончихин». Скоро из Челябинска в Ижевск полетело взволнованное письмо.

«Здравствуйте, дорогой мой спаситель от смерти! Шлю Вам чистосердечный привет и массу наилучших пожеланий в здоровье и жизни. Когда увидел Ваш портрет на выставке в Москве, сразу решил дать Вам знать о себе. Живу я в Челябинске-83, Новосинеглазово, ул. Чехова, 3, кв, 13, Долбня Афанасий Павлович, которому Вы в конце войны в Ижевске оперировали сердце. Сейчас я на пенсии. Самочувствие хорошее. Давление 150/70. Немного болит голова. А так ничего. Очень прошу Вас, Семен Иванович, дайте ответ на мое письмо. Получу его, потом подробности о себе опишу. А. Долбня. 7 апреля 1981 г.»

О той уникальной операции, сделанной в примитивных с точки зрения нынешней медицины условиях, под местным наркозом С. И. Ворончихин, ныне профессор-консультант кафедры факультетской хирургии Ижевского мединститута, помнил всегда. Осколок мины размером около двух сантиметров раненый носил в стенке сердца несколько месяцев. И, что самое удивительное, о его существовании не подозревали ни сам Долбня, ни медицинский персонал. И это можно объяснить. Они врачевали другие раны фронтовика, которые были видны снаружи.

Когда дело пошло на поправку, Долбню отправили на уборку картофеля. Работал там целый месяц. «Ухлестывал даже за девчатами, плясал, — признался он в одном из недавних писем профессору. — И хоть бы что. Все выяснилось, когда встал вопрос о моей досрочной — за самовольную отлучку — выписке из госпиталя».

Семен Иванович словно наяву увидел тот памятный день. Около полудня к нему забежала взволнованная Юлия Павловна Нагайцева, врач-терапевт, душа-человек.

— Семен Иванович, — говорит,— вы главный хирург госпиталей города, должны вмешаться. Нельзя его досрочно выписывать.

После подсобного хозяйства он стал жаловаться на стеснение в груди и боли в сердце. Прошу проконсультировать.

Решили сделать рентген грудной клетки. В кабинет вошел красавец мужчина, косая сажень в плечах. Включили аппарат и ахнули. Жирная темная линия перечеркивала сердце. Металл!

Его движение было синхронным с пульсом – значит, осколок или пуля застряла в тканях сердца.

Как быть? Жизнь человека висит на волоске, а опыта операций на сердце ни у кого в городе, да и во всем Уральском военном округе нет.

—Что там, доктор? — помнится, весело спросил раненый. — Работает моя машинка, клапана не подгорели?

Что было ему ответить? Решили подождать день-другой. Ни о какой досрочной выписке не могло быть и речи. Однако повторный рентген показал, что осколок начал смещаться вовнутрь желудочка. Теперь промедление было смерти подобно. Вот тогда-то Семен Иванович все и выложил пациенту. В конце разговора он предложил ему сделать операцию под местным наркозом.

— А что оставалось делать?

— Вспоминает профессор.

— Специального оборудования для операций на сердце у нас не было.

— Кто был этот человек? Вот что он сам пишет,— профессор подал очередное письмо.

«Родился я в Алтайском крае в семье крестьянина. Работал трактористом. В армию призван в 1938 году. Окончил школу младших авиаспециалистов, служил в ремонтных мастерских. Когда началась война, нас послали на фронт. Стал разведчиком 1-го батальона 219-й дивизии. Боевое крещение получил на Лысой горе под Ржевом. Покорежили нас гитлеровцы здорово. Кто остался жив, направили на переформировку. Так я очутился в гаубичной батарее 673-го артполка. Особенно жарко было на Курской дуге под Прохоровкой. Но выжил. Воевал под Смоленском и Брянском, был в партизанах, ранения получил в Калининской области...»

— Диву даюсь, — не переставая удивляться и через столько лет, говорит профессор. — С осколком в сердце его везли на бричке, в поезде, потом, когда зажили другие раны, работал на уборке картошки и ни разу не почувствовал боли. Вот это организм. Не будь он таким, вряд ли мы решились бы на столь сложный и опасный эксперимент.

Говорю мы, потому что ассистировать мне согласились хирург из медуправления Уральского военного округа Файвишенко, который приехал в Ижевск с инспекцией, и наш хирург Лидия Александровна Филимонова. А об операции пусть расскажет сам оперируемый,— Семен Иванович достал из конверта еще одно письмо.

«Готовился к операции я так. Несмотря на Ваше предупреждение не есть, я утром решил: хоть перед смертью поем вволю. Масло, две пайки хлеба, сахар — все, что было, умял и пошел в операционную. Зашел, а там никого. Лег на стол — руки за голову. Пришла медсестра Аллочка, села рядом, нащупала мой пульс. Накрыли простынью. Вы начали делать уколы. Мне стало тяжело — будто на грудь наложили груду льда.

При операции я боли не ощущал. Только когда резали, щипало, как иголками, слегка. Все было легко и терпимо. Я слышал Ваш разговор с ассистентами от начала до конца, но поначалу нервишки шалили до дрожи в коленках. Когда Вы расширяли ребра, прорезали сердечную рубашку и взяли сердце в руки, стало не по себе. Кровь из головы пошла в ноги.

«Вот, — говорю Аллочке, — легкая моя смерть пришла». Она начала меня успокаивать, а сама плачет.

Пять раз останавливалось сердце, пока Вы нашли и удалили осколок. И все это время я не терял слух. «Швы!» — слышу Ваш голос и открываю глаза Аллочка продолжает плакать «Зачем ты плачешь, — говорю. — Не плачь. Я жив и буду жить». Вам же я сказал: «Не торопитесь зашивать». Делайте хорошо, чтобы второй раз не пришлось меня нести на операционный стол». «Афанасий, я все сделаю хорошо», — ответили Вы и вдруг открыли простыню. Народу полная операционная. Потом меня перенесли в палату. И Вы дежурили возле меня. Не было аппетита. Вы покупали на базаре водку и холодец и давали мне. Я начал есть и поправляться».

Пока я читал, Семен Иванович не проронил ни слова. А потом быстро заговорил:

— Сердце останавливалось потому, что приходилось перегибать основные сосуды. Осколок-то был в задней стенке желудочка. Пока его нащупал, удалил, пришлось пять раз поворачивать сердце. Выдюжил Афанасий Павлович, остался жив.

А вот что он пишет о своей послевоенной жизни.

«Трудно мне было на фронте и в госпитале. И после войны в гражданке — голод, разруха, восстановление. Коротко о себе. Имею 6 сынов, 3 дочерей и 23 внука и внучки. Все они проживают в Челябинске. Сынов поженил, дочерей замуж поотдавал. 1 декабря 1980 года похоронил жену, которая Вас обругала с Алтая...»

За что же она обиделась на вас, профессор?

— Было дело, — морщинистое лицо Семена Ивановича тронула улыбка. — Его выходила Аллочка. И не просто выходила, а влюбилась, не зная, что он женат. Конечно, и я не знал о его супруге. Когда он уехал домой, я написал ему письмо с укором за Аллочку. Вот его супруга и окрестила меня «сводником». Да Вы читайте дальше.

«Работал я после войны директором маслозавода в Петровке. Потом укрупнили комбинат, и я пошел работать зав. сливочного отделения, где проработал 18 лет. Работа была тяжелая Сепарировали молоко вручную, Чувствовал себя здоровым, как ни в чем не бывало. А вот на погоду делался вялым. Но начнешь работать, делаешься здоровым. В общем, чем больше работаешь, тем здоровее себя чувствуешь. Работал очень много. 8 домов своих только построил. Еще людям помогал. Трудовая книжка вся в благодарностях да в денежном вознаграждении.

Вот вкратце моя жизнь.

Я очень благодарен всем сотрудникам госпиталя, а особенно Вам, Семен Иванович. Мечтаю о встрече с Вами, ведь в письме всего не расскажешь. Ваш пациент Афанасий Долбня 29 сентября 1981 г.»

Письма прочитаны. Семен Иванович встал, прошелся по комнате.

— Видите, каким богатырем оказался сибиряк. Я тоже мечтаю о встрече с ним.

Вот такая приключилась история. Пациент и врач нашли друг друга через 35 лет.

А. ХОРОБРЫХ. (Специальный корреспандент редакции газеты «Советская Россия»).
27 января 1982 года. №22(7773).

НА СНИМКАХ: репродукция с картины П. Ёлкина Профессор С. И. Ворончихин и фото «Семья А. Долбни в сборе».

Семья А. Долбни в сборе

П. В. Ёлкин. Натюрморт с ромашками

Составитель и дизайн П. В. Ёлкин

СОГАЗ МЕД

Изготовлено при участии
АО «Страховая компания «СОГАЗ-Мед»
С №3230 77.